

Крылов В.А. "Обыкновенные гвардейцы" (Ольховский мешок)

Author : olga

Date : 23.02.2016

Отрывок из книги. Глава «Ольховский мешок»

Полный текст книги: http://militera.lib.ru/memo/russian/krylov_va/index.html

Вечером 30 января 1942 года мы распрощались с селом Оскуй. Наш дальнейший маршрут: Горнешное — Селищенские казармы — совхоз «Красный ударник» — Мясной Бор.

Кажется, из самых недр Ледовитого океана вырвались свирепые ветры, подняли огромные массы снега, взметнули их в небо и обрушили на нас. В такую погоду идти трудно. Лошади тянут орудия из последних сил, часто останавливаются, тяжело дышат глубоко запавшими боками, отфыркиваются. Мы разгребаем заносы, помогаем копя на взгорках, греемся, подталкиваем друг друга.

Через три дня добрались до Мясного Бора. До войны здесь была маленькая станция на линии железной дороги Новгород — Чудово и деревушка в 38 дворов. Сейчас ни деревни, ни станции. Только сиротливые столбы печных труб. Недавно здесь конники генерала Гусева и бойцы 2-й Ударной армии, упорно пробиваясь к Ленинграду, проявили беспримерную стойкость, великое мужество и отвагу.

В сводках Совинформбюро о прорыве немецкой обороны на этом участке фронта не сообщалось. Только несколько позднее один раз проскользнула заметка: «Наши кавалеристы под командованием тов. Гусева за последние дни освободили от врага 40 населенных пунктов. Противник понес большие потери».

Конники! Фронтовая и армейская газеты частенько посвящают им заметки, короткие рассказы, похожие на легенды. Но еще больше разносит весть о них своеобразная устная газета бойцов. И откуда только идут эти рассказы? Нет, в них не выдумка, а подлинные события.

Конники генерала Гусева шли впереди, действовали отважно и дерзко. Ночами они врывались в деревни и села, где стояли ничего не подозревавшие вражеские гарнизоны, — мчались по улицам, рубили шашками выбегавших из изб, полуодетых, ошалевших от неожиданности гитлеровцев.

Наша дивизия, войдя в прорыв, развернула бои на участке Ольховские хутора — Сенная Кереть. Взятие этих населенных пунктов и выход на линию железной [47]дороги Любань — Чудово создавали угрозу окружения всей чудовской группировки. Чудово было одним из крупных опорных пунктов вражеской обороны, связанной на правом берегу реки Волхов с плацдармом немцев в районе Грузина.

Весь февраль шли упорные бои. С каждым днем сопротивление гитлеровцев усиливалось. Ольховские хутора несколько раз переходили из рук в руки.

По горловине прорыва проходит только одна дорога. Она тянется от Мясного Бора через торфяные болота и глухие леса к Кречно и дальше расходится лучами к большим и малым

населенным пунктам.

На дороге оживленно. Мчатся грузовики, погромыхивают колесами армейские повозки. Тянутся длинные колонны пехотинцев, скрипуче взвизгивает сухой снег под резиновыми колесами орудий. Войска идут и идут...

Политотдел дивизии созывает совещание политсостава. Попов с хорошей завистью посматривает на меня:

— Говорят, армейский лектор приехал. Расскажешь потом о новостях?

— Обязательно. За тем и иду.

— Разнос сегодня будет, — насмешливо произносит Мартынов. В последнее время у начальника штаба частенько проскальзывает эта насмешливость. Причина — наше топтание возле Ольховских хуторов.

К назначенному времени все приглашенные собрались в районе штаба 477-го стрелкового полка и, прижимаясь друг к другу, уселись под старыми елками. Над головами синеющее вечернее небо, на нем одна за другой вспыхивают вечерние звезды. Тишина. Сейчас и на передовой тишина. Только изредка кое-где на флангах прострочат дежурные пулеметы.

К «моей» елке подошел политработник в полушубке. Круглое открытое лицо.

— Подвинься, друг, дай местечко.

— Садись.

Он обминает снег, отламывает несколько еловых лап.

— Сиденье что надо.

...Командир дивизии говорит об итогах боев, подробно разбирает действия каждого полка, подчеркивает наши промахи, ошибки. Основательно досталось и нам с Поповым за обрыв линии связи под Киришами.

Мой сосед вздыхает: [48]

— Что ж, на войне бывают и наудачи.

Потом выступает лектор политотдела армии. Слушаем его с большим вниманием. Мой сосед осторожно чиркнул спичкой, посмотрел на часы. Я еще раз глянул на его чистое, с большими серыми глазами лицо. Хотел узнать фамилию, да лектор говорил так увлекательно, что я решил не мешать соседу слушать лекцию...

Фамилию старшего политрука я узнал позже. 18 марта батальон 477-го стрелкового полка ворвался в Ольховские хутора, выбил гитлеровцев из десяти домов, превращенных в огневые точки.

Немцы подтянули танки и под их прикрытием пошли в контратаку, пытаюсь восстановить положение. Батальон дрался с исключительным ожесточением. Почти весь офицерский состав выбыл из строя. Руководство боем взял на себя комиссар батальона старший политрук Яков Артемович Супрун. К вечеру погиб и он. Батальон, потеряв в этом бою больше половины своего состава, вынужден был отойти на исходные позиции. Бойцы вынесли тело погибшего комиссара и похоронили его на северной окраине Ольховки...

В 1967 году я получил письмо от Анны Ивановны Супрун. К письму была приложена фотокарточка. Анна Ивановна сетовала на то, что вот уже двадцать пять лет безуспешно разыскивает могилу своего мужа, старшего политрука Супруна Якова Артемовича, погибшего 18 марта 1942 года в боях под Ольховскими хуторами.

Долгими были поиски Анны Ивановны Супрун. Помогли юные следопыты из отряда «Сокол» при новгородском химкомбинате.

Не сразу вспомнил я, что было в те дни. Помогла фотокарточка. С нее на меня глядел тот самый политработник, с которым я сидел рядом на совещании политсостава дивизии.

Запомнилось, как он, слушая лектора о положении в Ленинграде, с печалью сказал:

— Ленинград... Какой город! А мы пока еще не сумели разорвать вражеское кольцо вокруг него.

Да, было до боли обидно, что город находится в жестокой осаде...

Переход к обороне заметен во всем. Батарейцы с каждым днем улучшают огневые позиции. Тщательно отрыты [49] орудийные окопы. Между ними — глубокие траншеи с тройным перекрытием. Землянки бойцов просторные, прочные. На стенах лозунги, присланные политотделом. В хозяйственном отделении 6-й батареи политрук Царик оборудовал хорошую баню. Это стало моей привычкой — ежедневно бывать или на огневых позициях батарей, или на наблюдательных пунктах, поговорить с бойцами по душам, послушать о том, что пишут из дому, рассказать сводку Совинформбюро, помечтать вслух о том, что мы будем делать после войны...

Выхожу из землянки и невольно жмурюсь от нестерпимо яркого света. Воздух кристально чист. Деревья сбросили с себя снег и уже сделали первый вздох, опьяненные весенним воздухом.

— Ух ты, настоящий Левитан! — невольно вырывается у меня, любителя картин этого знаменитого художника.

Увлеченный воспоминаниями, я не заметил, как подошел к району огневых позиций. Вон там, в маленьком чернолесье, 4-я батарея, правее, у опушки большого ельника, — 6-я.

В тишину дня вплетается прерывистый гул моторов. Шестнадцать Ю-87 тянутся сюда двумя цепочками. Бегу в сторону от дороги, к деревьям, которыми только что любовался. «Лаптежники» разворачиваются один за другим и пикируют. Длинно завывают сирены.

Над 4-й батареей взметнулись клубы дыма. Бомбы упали рядом с огневыми. Но ни одно орудие не пострадало. И если бы не гибель парторга батареи младшего сержанта Крикуна, не стоило бы и вспоминать налета «юнкерсов».

Вместе с бойцами Иван Крикун был в глубоком ровике, проводил беседу. И вот в тот момент, когда самолеты стали сбрасывать бомбы, он с возгласом: «Тут могут убить» — выскочил из

ровика.

Похоронили Ивана Крикуна возле развилки дорог, недалеко от впадения реки Трубицы в реку Кереть. Вместо него парторгом батареи стал Ф. П. Копылов.

На том же собрании, где утверждали Федора Петровича вожаком коммунистов, обсудили вопрос о том, как предотвратить потери людей во время артиллерийских и авиационных налетов противника. Решили усилить воспитательную работу, провести ряд бесед о храбрости, героизме [50] и других морально-боевых качествах наших воинов.

В обороне наладилась доставка газет и писем. Каждый день перед обедом Н. М. Михеев приносит из штаба полка туго набитую сумку. Раздает он письма торжественно, точно священнодействует. Становится на высокий пень, чтобы всех видеть, и высоким голосом, улыбаясь и радуясь за своих товарищей, выкликает фамилии счастливицков.

Сегодня Наум Меркулович принес письмо и мне. Первый раз за все время пребывания на передовой получил я весточку из дома.

Перед глазами встает маленький Углич, весь в зелени. Такой, каким я оставил его, уходя на фронт. Древний, из красного кирпича, с резным дубовым крыльцом бывший дворец удельных князей, ныне краеведческий музей. Недалеко от него на берегу Волги растет старая береза. Под ней на деревянных подставках пищали. И среди них совсем маленькое, времен Дмитрия Донского орудие — прапращур нашей грозной артиллерии.

Окраина города. Широкая улица, переходящая в шоссе, что ведет к столице. На этой улице стоит старый двухэтажный дом. В нем и осталась моя Валентина Алексеевна с четырьмя детьми.

«Живем мы хорошо, — пишет она. — Все здоровы. Трудновато было в ноябре, когда немцы рвались к Москве. Частенько приходилось переживать бомбежки.

Во время налетов наша «белоголовая гвардия» держится хорошо. Только самый маленький, как только завоют сирены, тормозит меня — глаза большие-пребольшие — и спрашивает: «Мама, опять фрицы? А их отгонят?» Потом и он привык, обтерпелся. Прижмется ко мне и сидит тихо-тихо, как будто и нет его. Старший — Женя — все время просит военный костюм, в котором он поедет на фронт, чтобы вместе с папой громить фашистов и вернуться домой с победой.

Сейчас жизнь наладилась, хотя стервятники иногда и налетают на город. Твои любимые места [1], которые ты так старательно срисовывал для выставки Всесоюзного дома народного творчества «Новое нашего района», целы. [51]

Ни одна бомба не попала. Только в реке много рыбы поглущено.

Многие из твоих товарищей ушли на фронт. Повсюду работаем мы, женщины. О нас не беспокойтесь. Мы сумеем все перенести. Наш наказ тебе: крепче бей фашистов...»

Долго смотрю на письмо. Улыбаюсь. Все в порядке, мои родные, не беспокойтесь. Наказ ваш выполняю...

* * *

Вот уже больше недели к юго-востоку от нас в мартовской голубизне неба висит громадное темно-синее облако. Глухо урчит артиллерийская канонада. Раскатами далекого грома доносятся бомбовые удары. Ночами полыхают зарницы — отблески далеких пожаров.

Появляются тревожные слухи о том, что единственная дорога, связывающая нас с тылами, перерезана врагом. Эти слухи стали подтверждаться фактами: прекратилась регулярная доставка газет и писем; сократился суточный паек продовольствия — теперь выдавали двести граммов хлеба на человека и банку консервов на десятерых.

Утром 27 марта начальник штаба полка вызвал к телефону Попова:

— Отправьте пятую батарею в распоряжение товарища Девятого (это значит, передать батарею в распоряжение 24-й бригады).

— Что там? — деланно небрежным голосом спрашивает Борис Васильевич. — Серьезное что-нибудь или просто так, маленькая операция?

Минчонок что-то долго объясняет. Попов согласно кивает головой: «Так, так. Понятно...» По выражению леща командира пытаюсь понять, что сказал начальник штаба полка. Попов медленно кладет трубку телефона и, растягивая слова, говорит:

— Плохо, комиссар. Фашисты перерезали дорогу к Мясному Бору. Наглухо. Бойцам надо рассказать, чтобы кривотолков не было.

Весть об этом личный состав дивизиона воспринял, как мне показалось, слишком спокойно: почти никто не представлял, какие трудности ожидают впереди.

За дорогу Кречно — Мясной Бор идут упорные бои. В район Кречно ушел 542-й стрелковый полк, а с ним и наша 5-я батарея. Каждый день прислушиваемся к глухо[52] гудящему бою, смотрим на огромное синее облако, постоянно висящее над частоколом леса, на цепочки немецких бомбардировщиков, непрерывно бомбящих нашу единственную дорогу.

— Жмет вражина, — тревожно говорит Гончаров, только что вернувшийся из Кречно, где находится дивизионный обменный пункт. — Поговаривают, что придется еще сократить норму питания. Трудновато будет.

Вечером старшина управления Риталь привез из тыла полка узелок сухарей и новый рацион продовольствия: сто пятьдесят граммов черного хлеба в сутки. На следующее утро мы сидели возле кухни и лениво хлебали новый суп, получивший наименование «суп — жареная водична». Но с этим еще можно мириться. Нет курева — вот что плохо.

На исходе был и запас сена. Забота о конях стала наиболее важной задачей. Во всех батареях провели партийные собрания. Коммунисты сказали: сохраним коней, сохраним боеспособность.

Старший ветфельдшер дивизиона Роман Демьянович Диваков метался между тылом полка и тылом дивизии, шумел: «Обеспечьте кормами!» Честный, прямой, иногда грубоватый и с подчиненными, и с начальством, Диваков не щадил себя ради дела.

Проводим совещания старшин и ездовых.

— Ты что же, цыганский метод применяешь? Цыган, знаешь, свою кобылу к голоду приучал, да подохла бедная. Овса нет, сена нет, — наседает на Дивакова Гончаров. Сорвав с головы ушанку, он швыряет ее в снег. В его зеленоватых глазах блеснул злой огонек. — Какие кони у меня? Один Пулемет чего стоит. Только что не говорит. А ему — голодовка! Да я сам голодный буду, а его накормлю.

— Не кричи, — останавливает Диваков. — Я в тылу полка кричал громче твоего. Этим делу не поможешь. Ты вот дельный совет дай.

— А что я могу предложить? За Волхов не проедешь. Осталось одно — в деревне соломенные крыши разобрать.

— Эва, хватился! — Старшина Риталь насмешливо посмотрел на Гончарова. — Проспал ты соломенные крыши. Нету их. И Ольховки почти нету. Фашисты все пожгли. То бомбежками, то артобстрелом.

— Тогда за Волхов! — выкрикнул Гончаров. — Говорят, [53] по дороге все же можно проскочить. Пусть под обстрелом — проеду. И сена привезу.

— Промышлять, значит? — Семен Баев пришел в управление дивизиона по другому делу, но, услышав горячую перепалку, вмешался. — А где промышлять? У колхозников. Нехорошо. Надо другой выход найти.

— Искать под снегом прошлогоднюю траву, — предложил тихий Чумаков, ездовой из взвода боепитания. — Когда мы копали ямы для конюшен, я заметил: под снегом большая трава. Не косили летось на полях.

— Пока соберешь охапку такой травы, горы снега перелопатишь. Овчинка выделки не стоит.

— Д-да... — вздохнул Гончаров. — Выходит, на промысел все же надо ехать.

Он подошел ко мне и посмотрел в глаза. «Неужели и ты, комиссар, не знаешь, как выйти из положения?» — говорил его взгляд.

Я молчу. Нужно, чтобы все ездовые высказались. Возможно, они додумаются до способа, который еще перед совещанием предложил Диваков. По правде сказать, хотя я и согласился с ним, но не особенно был уверен.

— А выход все же есть, — остановил Диваков разошедшегося Гончарова. Он обвел взглядом всех ездовых, откашлялся и, чуть повысив голос, сообщил: — Надо подготовить бочки, выжечь их, чтобы запаха солярки не было. Кони не переносят этого запаха, а других бочек у нас нет. Потом мелко нарубить березовых веток, лучше всего самых тонких. Вот это крошево и будем запаривать в бочках. А там, смотришь, сена и овса подбросят.

— Все-таки и прошлогоднюю траву придется поискать, — произнес Гончаров. — Не верю я в этот веточный корм без листьев.

Веточный корм... Хотя и старательно готовили его, но 30 марта все же пали две лошади. Это был первый тревожный сигнал.

Предприимчивые старшины пытались пробиться через вражеские заслоны на единственной дороге. Заручившись доверенностью заместителя командира полка по материальному обеспечению на получение сена с армейских складов, Риталь, Гончаров и еще два бойца отправились на трех лошадях. Трое суток следили они за движением по дороге, на четвертую ночь проскочили на Большую землю. [54]

Через неделю благополучно вернулись в дивизион. На вопрос «Как там?» Риталь неопределенно махнул рукой и, поблескивая черными цыганскими глазами, ответил:

— Ежели с умом — обмануть фашистов можно. На самой дороге их нет, но обстреливают ее сильно.

* * *

Весна. С полуразбитых крыш Ольховки свисают длинные сосульки. Частые капельки своим размеренным звоном как будто говорят нам: скоро, скоро... Однако весна не радует нас. Если зимой во время наступления много хлопот приносил глубокий снег, то весной появились новые трудности — болота.

Болота, непролазные топи... Восточнее Ольховских хуторов находится огромное труднопроходимое болото, названное почему-то Гажьими сопками. К югу от этих Гажьих сопек тянется второе болото — Прошкино. А еще южнее — Грядовский мох.

Вражеские войска — 20-я механизированная, 121-я и 212-я пехотные дивизии, получившие наименование «группа Венделя», — занимали полосу обороны между речками Полисть и Глушица — узкий длинный язык, протянувшийся с севера на юг километров на сорок. Ширина этого языка не превышала двадцати километров.

Мы готовимся к прорыву неприятельской обороны. В районе деревни Приютино стоят части 267-й стрелковой дивизии, южнее — 165-я лыжная бригада и 24-я гвардейская стрелковая дивизия. 12 апреля в этот же район ушел и 11-й [\[2\]](#) стрелковый полк нашей дивизии под командованием майора Парфенова Кузьмы Дмитриевича.

Основную задачу прорыва должны выполнить части, находящиеся в районе Спасской Полисти и Мясного Бора. Наша задача — в момент прорыва ударить отсюда, зажать гитлеровцев в клещи и выйти на соединение с «восточными», как мы стали называть свои войска, расположенные в районе Спасской Полисти.

Болото Грядовский мох поросло мелкой, в рост человека, сосной. Изредка на нем встречаются небольшие островки с огромными, в два обхвата, елями и осинами. [55]

На одном из таких островков и расположился наш дивизион: две батареи, 4-я и 6-я, с трудом установились на огневые позиции, почти орудие к орудью. Позади разместились штаб дивизиона и хозяйственные отделения батарей.

Весь день батарейцы работают, роют орудийные окопы, ровики, строят блиндажи, конюшни для лошадей. Попов, командиры батарей, разведчики и связисты сразу же уходят к реке Глушица — там будут наши наблюдательные пункты.

Наступает ночь. Стою возле блиндажа, смотрю на небо. Слабо мерцают далекие звезды. Над лесом беспрерывно снуют транспортные самолеты. Жужжание их тихое, мирное. До боли напрягаю глаза и, кажется, вижу слабые очертания самолетов: побольше — Р-5, поменьше — У-2. Летчикам-транспортникам тоже нелегко, они почти беззащитны против «мессеров», но все же летают каждую ночь.

Утром иду на командный пункт стрелкового полка. Попов здоровается со мной так, словно мы не виделись целую неделю. «Живем, комиссар!» — говорит его благожелательная улыбка.

Из маленького блиндажика выходит командир стрелкового полка майор Парфенов. Среднего роста, простое русское лицо, живые карие глаза. Одет в обычный ватник, но выглядит подтянутым. Голос мягкий, однако в нем звучат властные нотки.

— Задача поставлена серьезная, — говорит он. — Нам нужно пробить брешь во вражеской обороне. Начнут «восточные». Начало их наступления — залп «катюш». Мы наносим вспомогательный удар. У нас мало сил, поэтому натиск должен быть дружным, стремительным. Пусть противник думает, что мы сильны здесь.

Потом майор Парфенов подробно излагает план прорыва. Полк будет действовать небольшими ударными группами. Каждая из них подбирается как можно ближе к немецким

позициям и пускает в ход карманную артиллерию. Все это должно быть сделано во время артиллерийского налета «восточных».

— На тебя особенно надеюсь, — обращается Парфенов к Попову. — Знаю: у тебя мало снарядов. Поэтому надо выбирать только наиболее важные цели. Ни одного снаряда впустую. В первых же группах наступающих [56] стрелков должны быть командиры разведки и батарей. Вместе с комиссаром продумайте каждую мелочь.

Под вечер возвращаюсь на огневые позиции батарей. Возле кухни управления дивизиона — группа бойцов. Как-то уж так повелось, что кухонная территория стала не только столовой, но и своеобразным клубом. Здесь можно узнать самые новые вести, переданные по «солдатскому телеграфу», здесь весельчаки и любители острот демонстрируют свое искусство. Но сегодня острот не слышно.

— О чем задумались, друзья? — спрашиваю весело, не подаю и виду, что я тоже голоден.

Отвечает Гончаров:

— Да вот, поругивали Кузьму Егорычева. Кормит нас только одной «жареной водичкой». А тут военфельдшер Плехов выдумал еще одно наказание — с завтрашнего дня по утрам будет давать нам по кружке елового отвара. Поневоле желудок взбунтуется. Вот взять, к примеру, мой. До войны его салом баловал. Достатки-то были, дай бог всякому.

— Ты мою кухню не тронь, — вскипел Кузьма. — И без тебя все знают, что питание никудашное. Но не скулят. Не в том вопрос.

— А в чем же, мил человек? Ну-ка, объясни.

Егорычев зло сплюнул:

— Тебе сколько раз говорили: каково положение в Ленинграде? Знаешь? Ну и молчи. Там дети страдают. Им по осьмушке хлеба дают и то не каждый день. А ты лезешь с жалобами. Подумаешь, каких-то полмесяца перебои с питанием. Потерпим, не маленькие.

— Так ведь я не жалуюсь, — примирительно говорит Гончаров. — Просто к слову пришлось.

Вмешиваюсь в разговор:

— Ничего. Вот пробьем дорогу, установим постоянную связь с «восточными», и все будет в порядке. Оттуда подбросят нам снаряды и продукты. А пока потерпим.

Только поздно вечером привез старшина Риталь дневной рацион: полтора сухаря на человека. С большим удовольствием грызу сухарик, запиваю его супом-болтушкой. На сей раз суп вкусный, в нем есть немного муки и кусочки консервированного мяса.

...Сегодня ночь какая-то особенная, не темная, а сероватая. Серый сумрак окутывает землю. На передовой [57] глухо дудорят вражеские пулеметы. Кое-где высоко в небе висят осветительные ракеты.

Еще вечером Кузьма Егорычев робко спросил меня:

— Разрешите обратиться, товарищ старший политрук?

— Обращайтесь.

— Скоро наступление. Можно с разведчиками в бой пойти?

— А кухня?

— На кухне делать нечего. Суп-болтушку приготовит и мой помощник.

Егорычев долго мнется. Зачем-то снял шапку, тербит ее. Густые кустистые брови насуплены. Наконец, решившись, выпаливает одним духом:

— Все воюют, а я на кухне вожусь. Что дома скажут? Всю войну возле кухни просидел. Невелика заслуга. Куда это годится? Вон Гончаров и тот смеется: «Где же твой подвиг, Кузьма?» Я тоже хочу схватиться с гитлеровцами. Я свою славу обязан добыть, настоящую.

— Ну что ж, иди, Кузьма, — соглашаюсь я после короткого раздумья. — Постарайся добыть свою солдатскую славу.

Я сказал «солдатскую». В то время командиры и политработники да и сами бойцы все чаще и чаще называли друг друга этим старым, но по-новому зазвучавшим словом. Солдаты гвардии, солдаты Красной Армии — это звучало красиво и гордо.

А Кузьма все же молодец! Ночью он ушел вместе с Мартыновым на передовую. В дивизионе нет начальника разведки, и старший лейтенант Мартынов решил сам идти вместе с атакующей пехотой, чтобы быстрее выявить вражеские огневые точки.

На востоке появляется розовая полоска зари. Сейчас начнется артиллерийская подготовка.

Грохочущий залп. Высоко в небе вспыхивают огненные полосы. Вскоре доносятся разрывы снарядов. В них что-то особенное, непохожее на разрывы снарядов наших дивизионов. Это «катюши». Вслед за ними открыла огонь вся артиллерия «восточных».

Проходит минут тридцать. Появляются наши пикирующие бомбардировщики Пе-2 — двенадцать штук. Они почти отвесно пикируют до самого леса и круто взмывают вверх. Громовым эхом проносятся по лесу разрывы бомб.

Мартынов разговаривает по телефону с Поповым, [58] передает результаты бомбежки. Над лесом взрывается серия ракет. Пехотинцы майора Парфенова пошли в атаку мелкими ударными группами, от сосенки к сосенке, утопая по пояс в снегу. В те дни апрельское солнце хорошо пригревало, и снег уже таял, сделался рыхлым, набухшим от воды.

Гитлеровцы, оправившись от первого удара, начинают приходить в себя, открывают минометный огонь. Я слышу, как Мартынов передает данные на ведение стрельбы. Потом Попов отдает команду на позиции батарей. 4-я и 6-я открывают огонь. Но залпы их жиденькие. Эх, черт возьми! Вот бы сейчас снарядов вволю.

Мартынов, захваченный ходом боя, увлекается, командует батареям: «Пять снарядов, беглый огонь». Попов сразу же вмешивается:

— Мартынов, не увлекайся! Помни: «огурцов» у нас кот наплакал. Береги.

Проходит еще с полчаса. Наши телефонные линии постоянно заняты: то командир 4-й батареи Коваль передает на огневые: «Прицел... уровень... один снаряд... огонь!», то командир 6-й батареи лейтенант Н. П. Кривенко, назначенный вместо А. М. Селезнева, спрашивает о расходе снарядов. Связь работает сейчас, по-нашему фронтовому выражению, как часы. Телефон штаба дивизиона связан со всеми наблюдательными пунктами и огневыми позициями.

Мартынов передает:

— «Карандаши» Парфенова заняли первую траншею. Я нахожусь с ними. «Карандаши» пошли на вторую траншею...

Потом через несколько минут:

— Фашисты открыли по нас сильный минометный огонь. Стреляет батарея из квадрата...

Мартынов опять передает данные для открытия огня.

И снова наши пушки ведут беглый огонь. Старшие на батареях принимают команды и опять напоминают: «Снарядов мало. Осталось по пять штук на орудие».

— Гитлеровцы идут в контратаку. Мы все в первой траншее, вместе с «карандашами» Парфенова, — сообщает Мартынов.

«Мы все» — это значит вся разведка управления дивизиона. Там Никита Залесский, Афанасий Дубина, Кузьма Егорычев, Иван Ткачук. [59]

Попов что-то говорит Парфенову. Он вместе с командиром стрелкового полка сейчас где-то недалеко от вражеской траншеи. Потом передает Мартынову:

— «Хозяин» приказал встретить гитлеровцев штыками. Действуйте и вы...

Наша пехота вылезла из траншей и пошла навстречу атакующим немцам. Не прошло и полчаса, как Мартынов передал:

— Находимся во второй траншее. Наши «карандаши» живо выкурили немцев. Сейчас закрепляемся, подтягиваем резервы, а потом еще раз ударим. Осталось немного, скоро соединимся с «восточными».

Но нажимать пехотинцам Парфенова не пришлось. Уже через полчаса Мартынов радостно сообщил:

— У врага паника. Появились наши тридцатьчетверки. Бегут фашисты.

Бой постепенно затих. Пехотинцы майора Парфенова прочно закрепились на занятом рубеже. К «восточным» пробит, хотя и узкий, коридор, с ними установлена телефонная связь. Из штаба стрелкового полка передали, что захвачено два вражеских танка, 20 пулеметов и орудий, 300 пленных. Это хорошо. Даже очень хорошо при наших возможностях.

Под утро пришел Кузьма, принес пачку сигарет и бутылку вина. Капитан Куликов, недавно назначенный заместителем командира дивизиона по строевой, пробует вино, морщится:

— Кислятина...

Курю сигаретку и отплеываюсь. Солома какая-то, эрзац, а не табак. То ли дело наша махорка — крепка.

С «восточными» мы поддерживаем только телефонную связь. Отвоеванный коридор практически не используется — слишком узок. Развить же наступление мы не в силах — в дивизионе нет снарядов.

Гитлеровцы, по-видимому, знают об этом. С нашего наблюдательного пункта хорошо видно,

как они разгуливают по передовой, словно по бульвару. Утром, в обед и вечером к переднему краю спокойно подъезжают кухни. Возле них выстраиваются в очередь солдаты. Будь у нас снаряды, разве мы допустили бы подобную наглость? Особенно злит то, что, пообедав и отдохнув, гитлеровцы принимаются обстреливать наши позиции. Иногда появляются и пикировщики. Вот и сейчас только собрал [60] совещание парторгов батарей и редакторов боевых листков, чтобы обсудить с ними итоги боевой деятельности дивизиона за неделю, как налетели Ю-87.

Пикировщики выстраиваются в круг, один за другим кувыркаются через крыло, включают сирены. Они длинно, заливисто воют: о-о-о-ю-ю-ю-у-у!

Прыгаем в ровики. В них полно воды. Мокрые, стучим зубами от холода, подсчитываем, сколько «пискуны» сбросили на нас бомб. Бомбовая нагрузка «юнкерса» полторы тонны. Сейчас над нашими головами гудят тридцать Ю-87. Получается солидная цифра.

А «восточным» достается еще больше. Там не прекращается такая вот карусель: отбомбится одна группа, на смену ей прилетает другая. И так до самого вечера.

Сбросив бомбы, самолеты кружатся над нами, обстреливают из пулеметов. Потом какой-нибудь оголтелый фашист пронесится низко над лесом, круто взмывает вверх, и к нам летит то пустой бочонок, то кусок рельсы, то еще что-нибудь.

Наконец «пискуны» оставляют нас в покое. Но на смену им прилетает корректировщик «Хеншель-126». Этот самолет бойцы называют то «кочергой», то «костылем». «Хеншель» делает круг, и в нашем районе шлепается тяжелый снаряд: г-а-ах! Потом второй. Первый — перелет, второй — недолет. Вилка. Теперь жди...

Начинается методическая обработка наших огневых позиций. А «кочерга» все висит и висит. Со злости открываем групповой огонь из винтовок, хотя и знаем, что брюхо «кочерги» бронированное. Но одна такая «кочерга» все же не ушла от возмездия. Командир зенитного пулемета сержант Можугин долго изучал повадки фашистского летчика, а потом, выбрав момент, вlepил в самолет полную ленту пуль. «Кочерга» разбилась.

Вражеские бомбежки продолжались несколько дней. 11-й стрелковый полк вынужден был отойти на старые позиции...

Суточный рацион на человека — сухарь с четвертью. А дальше что? Начались поиски продовольствия. Предприимчивые старшины обследовали места зимних бомбежек, добывали туши убитых лошадей. Но таких мест оказалось не так-то уж много, а предприимчивых старшин, как наш Риталь, более чем достаточно. Однако изредка в нашем рационе конина все же появлялась. [61]

С тревогой, с болью в сердце смотрю на своих бойцов. Страшно похудел Никита Залесский, один из здоровяков в дивизионе. Гимнастерка на нем висит, как мешок на гвозде. Лицо пожелтело и одрябло. Исчезла и ямочка на подбородке, заострились скулы. У многих пухнут ноги: авитаминоз.

Когда я бреюсь, на меня из маленького зеркальца смотрит совсем незнакомый человек, с большими серыми глазами, с сухим, с горбинкою носом и провалившимся ртом. Только лоб, высокий с большими залысинами, да широкие, выгоревшие на весеннем солнце брови свидетельствуют, что это я.

Сколько еще дней мы продержимся? Где-то приходилось читать, что человек способен жить без пищи до сорока дней. Но это при условии, если не будет двигаться. А мы воюем. Значит, количество дней сокращается минимум наполовину. Э, нет, мы все же питаемся, чуть-чуть

поддерживаем организм. Самое главное — не распускаться. Сознание, воля должны победить окончательное физическое истощение.

Сегодня особенно трудно. Наступает вечер, а Риталя все нет и нет. Я не спрашиваю почему. Знаю, не привезли еще в тыл полка вот эти сто граммов сухарей: вчера была нелетная погода.

В блиндаж заглядывает Харитон Плаксин. В его руке котелок. И в котелке, чувствую, что-то вкусное.

— Вы сегодня не кушали, товарищ комиссар, — говорит он. — Мы нашли немного конины. Вот, пожалуйста, это ваша доля.

— А вы... ели?

— Все. Вот так.

Плаксин характерным жестом показывает, как они сыты.

Удивительно вкусное мясо. И то сказать, в естественном холодильнике всю зиму хранилось.

— Спасибо, Харитон Тимофеевич, за заботу.

— Я к вам, товарищ комиссар, с одним делом. Не знаю, как решите. Зимой я занимался перевозкой снарядов. Вот ехали мы раз с шофером Рогулей, снаряды везли. Видим, на дороге мешок лежит. Кто-то обронил. Я посмотрел. Ржаная мука; Рогуля говорит: снеси в сторону от дороги, сейчас неудобно брать с собой. Захватим, когда в дивизион поедем. Рогулю на другой день [62] ранило, а мне больше не пришлось там быть. Разрешите сходить? Может, тот мешок все еще там?

— Помнишь место?

— Оно мне каждую ночь снится. Три елочки, как сестры, рядом растут. И куст ивняка. Мешок я лапушником закрыл.

— Ну что ж, сходи, посмотри. Возьми с собой двух бойцов из взвода боепитания.

Прямо как в сказке. Поиски клада. Только клад этот не золото, не драгоценные камни-самоцветы, а самый обыкновенный мешок муки.

Приходит техник-лейтенант Заболотнов.

— Надо же, в первом дивизионе братва лося подвалила, — возбужденно сообщил он. — Вот если бы и нам... Как вы смотрите, товарищ комиссар?

— Запрещено бить лося. Зверь редкий.

— У нас случай исключительный; люди валяются с ног.

— Составляй команду.

Чуть свет Заболотнов, Баев и Дубина уходят на охоту. Может, улыбнется счастье?

В тот день счастье улыбнулось Ивану Гончарову. Возвращаясь из штаба полка с пакетом, он нашел потерянный кем-то еще зимой мешок овса. После долгого лежания в сыром снегу овес

набух, стал мягким. Приехав в дивизион, Гончаров, как обычно, поставил своего Пулемета в шалаш и насыпал ему торбу овса.

— Ешь. Ты заслужил.

Старшина Риталь увидел в поступке Гончарова нарушение его старшинской власти. Произошел короткий, но выразительный разговор. Гончаров вдруг проявил неповиновение.

— Я нашел, я и вправе распорядиться. Конь заслужил. Ведь он каждый день по тридцать километров отмахивает. А из овса определенно ничего путного не выйдет.

— Если каждый все будет решать по-своему, что же из этого получится? — сердито спросил Риталь. — Для чего тогда старшина управления дивизиона?

— Из этого овса кое-что выйдет, — вмешался Михеев. — У нас много больных. Мы им овсяную кашу сделаем. Из отрубей кисель сварим.

Гончаров даже фыркнул:

— Вот уж выдумал, Меркулыч. Сроду такого не видывал. [63]

— Ничего я не выдумал. Это у вас в Курской области на одной пшеничке сидят. У нас на Смоленщине овсяный кисель не редкость.

Слушая спор бойцов, я вспомнил свое детство. Нашей большой семье хлеба хватало только до нового года. Моя мама, постоянно озабоченная, часто варила из овсяных отрубей кисель. Перед обедом она весело улыбалась и обычно говорила: «Дети, читайте молитву, ложки берите, овсяный кисель на столе».

— Достаньте жерновки. В Ольховке должны быть, — говорю я, зная, что и в здешних деревнях раньше готовили самодельную крупу. — Овес высушить в котле. Кузьма из Владимирской области, он, наверное, знает, как приготовить овсяный кисель.

Овсяный суп-болтушка без приправ, без соли оказался очень вкусным. Кузьма и Наум Меркулович начали готовить кисель.

Через два дня в дивизион приходят комиссар полка Барсток и начальник артиллерии дивизии майор Андреев.

— Ну и забрались, — усмехнулся батальонный комиссар, поздоровавшись с нами. — Прямо к черту на кулички. Вот так Грядовский мох! Километров пять по пояс в грязи брели. У нас на Трубице самая настоящая весна, птички поют, а здесь все еще зимой пахнет.

— Передовая, — смеется майор Андреев.

— Какая это передовая. — Барсток ткнул рукой по направлению вражеских позиций. — Там тоже море грязи.

Михеев разжигает костер. Риталь приносит нижнее белье и красноармейское обмундирование.

— Вот, можно переодеться, — говорит он. — К вечеру ваше обмундирование высушим.

Минут через тридцать с НП приходит Попов.

— Комиссар, нет ли чего погрызть? Со вчерашнего утра во рту крошки не было.

— Да, неплохо бы пообедать, — подхватывает Барсток. — Мы тоже проголодались.

— Попробую угостить кое-чем, — говорю я и вызываю Кузьму: — Ну, как твое производство? Вышло что-нибудь?

— Вроде бы вышло, — неуверенно ответил Егорычев. — Была бы соль...

— И еще льняное масло, — улыбнулся я. — Ничего. Обойдемся. Неси сюда четыре котелка. [64]

— Ого, да у вас как в сказке, — рассмеялся Андреев, когда Кузьма и Михеев принесли котелки с горячим киселем. — Стоило только пожелать — и на столе скатерть-самобранка.

— Ну, уж и скатерть тоже...

— Необычайно вкусно. Никогда не думал, что из овсяных отрубей можно приготовить такое кушанье, — продолжает он, налегая на кисель. — Вот молодцы! Верно, товарищ Барсток?

Батальонный комиссар кивает головой. Он согласен с майором Андреевым. А я краснею. Против своей воли краснею. Ну, чего хвалить? Кисель без масла, чуть-чуть подсолен. Видимо, Меркулыч имел небольшой запас соли. Но ведь и мне нравится этот кисель.

— Хорош! — восклицает Борис Васильевич. — Теперь бы закурить? Ох, как было бы хорошо! Может, найдется на сигарочку, комиссар?

Мне тоже очень хочется курить. Но я уже забыл вкус табака.

— Ага, курачи, — ехидно бросил Барсток, заметив, как я уныло пожал плечами. — Страдаете? Хуже, чем без хлеба? Выручить, что ли?

— Вы же некурящий, — с легкой иронией заметил Попов. — Где уж вам понять...

— Ну-ну, потише...

Барсток раскрывает полевую сумку, достает полную пачку махорки. У Бориса Васильевича от удовольствия даже ноздри раздулись. Через минуту он уже дымил невероятно толстой папироской.

— Табак! Настоящий табак!

Батальонный комиссар и майор придирчиво осмотрели наши огневые позиции. Барсток заставил двух бойцов снять нижние рубашки. Те застенчиво переглянулись.

— Снимайте, снимайте. Когда в бане были?

Стоявший рядом Гончаров хитро подмигнул бойцам и весело произнес:

— Дней пять назад. Нам, товарищ батальонный комиссар, жаловаться не приходится. Ребята из шестой батареи в хозотделении важнецкую баню смастерили. Можно и парку дать и можжевелевым венчиком по телесам пройтись. Здорово прохватывает. А пока паришься сам, в бочке-прожарке белье дезинфицируется. Так что тут все нормально. Вот только одно... [65]

— Что именно?

— Пища плоховата.

— Знаю. Скоро все наладится. Старая дорога открыта.

В 4-й батарее майор Андреев заинтересовался оборудованием орудийных окопов. Огневая позиция батарей находится на самой опушке гривы. Земля в окопах превратилась в жидкое месиво. Стало невозможно вести огонь. Коваль вышел из положения. В орудийных окопах был настлан пол из толстых осин, расколотых надвое. Из таких же осин, но неколотых, сделан и бруствер.

— Вот это хорошо, молодцы! — Майор Андреев даже попробовал устойчивость такого пола. — Этот опыт надо передать и другим батареям. Под Ольховкой тоже в болоте стоят, но вот не додумались.

Под вечер, прощаясь с нами, комиссар полка сказал:

— Завтра утром высылай конных и пеших, будем возить и носить боеприпасы и продовольствие. Одного из комиссаров батарей назначь в эту группу. Лучше всего Лохова.

— Есть!

— Послезавтра делегатское партийное собрание полка. Выберите от каждой батареи по два-три делегата.

* * *

Наступили ясные, весенние дни. Снег на открытых местах почти стаял. Только в лесной глухомани лежит еще толстым пластом, нетронутый, чистый. В речках и оврагах полно воды. Маленькие речки Рогавка и Трубица разлились так, что не пройти. На реке Кересть саперы нашей дивизии строят наплавной мост.

Блиндажи залило. Строим маленькие избушки из толстых бревен. Вот наш домик: два метра в ширину, три в длину и два в высоту. Две койки и столик из осиновых горбылей. Возле домика лавочка из тонких жердочек.

На передовой затишье. Теперь до переднего края врага добраться очень трудно — болото Грядковский мох залило водой.

Дорога как будто освобождена от фашистов, но мы второй день голодаем. Старшина Риталь и ветфельдшер Диваков бродят по району расположения тыла дивизиона, о чем-то спорят. Часто видим их и на поляне, где [66] пасутся наши кони. Вернее, семнадцать скелетов, именуемых конями. Они еле-еле передвигают ноги, пощипывают вокруг себя едва заметную травку, гложут кору осин. Через неделю лошади начнут поправляться. А люди?

Мне слышно, как Риталь требовательно говорит Дивакову:

— Хватит думать. Второй день все одно и то же долдоним. Принимай решение, и мы пойдем к комиссару. С командиром дивизиона я говорил уже, он не возражает.

— Не могу решиться: кони пошли на поправку.

— Тоже мне!.. — зло выкрикнул Риталь и, махнув рукой на Дивакова, решительно направился ко мне.

— Разрешите обратиться?..

Я догадываюсь, о чем пойдет речь. Вторые сутки без хлеба. Несколько бойцов лежат, не могут ходить. У них ноги опухли, зубы вываливаются. Цинга. Авитаминоз. Чтобы поддержать жизнь людей, надо прирезать двух лошадей. Об этом он и сказал.

Звоню на НП Попову. Отвечает Ткачук:

— Командир дивизиона уехал на «Чердак».

Что делать? Я не вправе принять решение. Надо собрать коммунистов, посоветоваться с ними. Вместе заботились о сохранности лошадей, вместе и сейчас решим.

На маленькой полянке, окруженной густым ельником, стоят грубо сколоченные столы, за которыми мы еще ни разу не обедали. Медленно собираются коммунисты. С болью в сердце смотрю на каждого. Какие же они исхудавшие! Пожалуй, надо все-таки прирезать двух лошадей.

Рассаживаются. В ожидании, когда подойдут бойцы 4-й и 6-й батарей, управленцы ведут негромкий разговор.

— Дуем только навар из еловой хвои да березовый сок. А это уж, сами знаете... — Кузьма Егорычев безнадежно махнул рукой.

Никита Залесский пытается шутить:

— Говорят, сто ведер березового сока заменяют килограмм сливочного масла. Дешево и сердито.

— Брось, не до шуток, — обрывает его Кузьма. — От этого сока у многих ноги как бревна. Сами тощие, а ноги пухнут.

— Скоро щавель пойдет. Или еще есть заячья капуста. Я в лесу видел. Такие маленькие листочки. Цингу вылечим... [67]

— Теперь и щавель едва ли поможет, — мрачно замечает Риталь. — Хлеб и мясо нужны. А где взять?

Я перебиваю его:

— Подожди, Риталь. Сейчас подойдут коммунисты из огневых взводов. Вместе с ними и решим.

Копылов хочет соблюсти порядок, подходит ко мне с рапортом.

— Не надо, Федор Петрович. Мы просто по-дружески побеседуем.

Моя речь была краткой. Да и к чему тут длинные речи?

— Положение с питанием очень тяжелое. Некоторые товарищи считают, что выход только один: забить на мясо несколько лошадей. Мы с командиром дивизиона решили посоветоваться с вами.

Бойцы молчат. Они хорошо знают, как трудно было сохранить хотя бы вот этих лошадей, которые бродят сейчас на поляне, недалеко от нас. В управлении дивизиона осталось семь лошадей. В 4-й батарее — двенадцать. В 6-й только две...

Встает Диваков. Он совсем не принимал участия в разговоре. Сидел в сторонке, опустив голову, ждал решения.

— Думаю, товарищи, — начал он, запинаясь и подыскивая слова, — вот... Пожалуй, вы согласитесь со мной. Нам тяжело. Значит, выход один — резать лошадей? — Диваков взмахнул рукой. — Вчера старались сохранить, а сегодня... Может, еще потерпим? А там и хлеб подвезут. Говорят, дорога-то открыта.

— Дорога, дорога, — выкрикнул Сергей Плехов. — Вот уже несколько дней говорят, а хлеба нет. Я, как фельдшер дивизиона, считаю, что люди дороже лошадей. Нужно забить двух. И точка.

— Я тоже очень ослаб, — тихо заметил Михеев, — но не могу согласиться с предложением Плехова. Я все же надеюсь, что хлеб подвезут. Если не сегодня, то завтра.

— Согласен с Михеевым, — вмешался Копылов. — Говорю это от всей четвертой батареи.

Раздалось несколько голосов:

— Так и постановим.

— Денек, два еще потерпим. А там видно будет.

— Ну что ж, — говорю я, — так тому и быть. [68]

Мы еще не разошлись, как в дивизион прибыла команда Лохова. Алексей Прокофьевич доложил, будто пролил бальзам на больные сердца:

— Дорога открыта. Продовольствие и снаряды доставлены в тыл полка.

Кто-то крикнул «ура». Но на него сразу же шикнули.

С Большой землей нас связывает коридор шириной около двух километров. Он простреливается врагом и со стороны деревни Любино Поле и со стороны деревни Любцы. Длина его не больше четырнадцати километров. Для фашистов этот узкий коридор, будто кость в горле. Гитлеровское командование не оставляет попыток снова перерезать его, захлопнуть нас в ольховском мешке намертво.

В три часа утра 29 апреля немцы открыли сильный артиллерийский и минометный огонь. В шесть часов опять появились вражеские бомбардировщики. Группами в 20-30 штук они непрерывно бомбят весь район коридора.

Наши части ответили контрударом. У нас сейчас достаточно снарядов, и мы можем позволить себе роскошь — открыть сосредоточенный огонь по скоплению неприятельской пехоты. Попов прямо-таки цветет: уж что-то, а дать такой огонь он умеет. Как опытный и умный дирижер, чувствует он голос каждой батареи.

Звонко ухают наши дивизионки. В весеннем воздухе звук выстрела разносится далеко, откликается эхом.

На нашем участке гитлеровцы не вклинились ни на шаг. Но правее нас положение осложнилось. Там враг продвинулся примерно на километр. Чтобы не дать неприятелю развить наметившийся успех, 8-й полк нашей дивизии переходит вправо.

Мы получаем приказ сменить огневые позиции и поддержать действия 8-го полка. Но как вытащить 8 орудий, находящихся в центре проклятого болота Грядковский мох, когда у нас только 17 лошадей? Есть, правда, и тракторы — шестидесятисильные ЧТЗ. Но горючего только на один рейс.

— Сделаем так, комиссар, — решил Борис Васильевич. — Вывезем все сразу. ЧТЗ вытащит сразу целую батарею. [69]

Я невольно качаю головой, — дескать, что-то не то говорит командир.

— Обдумал. Вытащим, — продолжает Попов. — Вот только бы сконструировать специальное крепление. Чтобы сразу взять четыре орудия. Надеюсь на лейтенанта Лобачева и его парней. Что-нибудь придумают. Ведь Лобачев-то в прошлом — инженер.

Полдня командир огневого взвода 6-й батареи Петр Васильевич Лобачев и два его помощника — тракторный механик 6-й батареи сержант Копнин Владимир Егорович и артмастер батареи младший сержант Лысенко Иван Григорьевич конструировали такую раму, к которой можно было бы прицепить сразу несколько орудий.

Наконец первый образец — два длинных бревна, накрепко соединенных между собой, с креплениями для каждого орудия, — был готов. Испытание дало прекрасный результат. По этому образцу батарейцы быстро сделали еще две рамы.

В два часа дня выстраиваются три поезда. Иначе их и не назовешь: к первому трактору прицеплены две гаубицы и три повозки 6-й батареи, ко второму — две гаубицы 6-й батареи и три повозки 4-й батареи и к третьему — четыре орудия 4-й батареи. Даже Попов и Лобачев ахнули, когда окинули взглядом весь этот караван. «А вдруг не вытянем?» Но раздумывать нет времени, идет бой, и Попов дает команду:

— Трогай!

Тракторы ползут по болотной дороге, вздымая валы жидкой грязи. Они похожи на тупорылых броненосцев, медленно плывущих по густой черной воде.

Попов развертывает карту.

— Ставь батареи, комиссар, вот сюда. — Он показывает район новых огневых позиций. — И сразу же готовь их к бою. А я пойду на новый наблюдательный пункт.

Над нами появляется «кочерга». Шлепнулась первая бомба, взметнув большой столб грязи.

— Не обращайтесь внимания! — кричит Попов, заметив, что кое-кто из бойцов стал отходить в сторону от дороги. — И опять для меня: — Как можно быстрее занимай огневую позицию.

Он уходит с разведчиками и связистами. Все нагружены до отказа: лопаты, топоры, катушки с проводом — без всего этого не обойтись. [70]

Фашисты усиливают натиск. Снова появляются большие группы пикировщиков. Несколько западнее Мясного Бора, в верховьях речек Глушицы и Полисти небо почернело от них. А на земле, как в гигантском котле, стоит рев и гул.

Пять километров тащим мы по болоту свои поезда. Бредем по пояс в жидкой грязи. Кажется, больше всех волнуюсь я. На мне вся ответственность за то, чтобы дивизион вовремя занял огневые позиции и был готов к бою.

Но вот и твердая земля. Тракторы идут на полной скорости. Связисты уже ждут нас в районе новых огневых позиций. Иван Ткачук, весь в грязи, улыбается:

— Связь с НП установлена!

Через десять минут 4-я батарея открывает огонь. Лохов собирает всех хозяйственников батареи, вручает им лопаты.

— Пока огневики стреляют, копайте для них ровики.

Нашей пехоте тяжело. Кажется, вот-вот гитлеровцы закроют выход на Большую землю. Поэтому бой идет на самом высоком накале. Бойцы 8-го и 11-го полков дерутся врукопашную.

«Рама» засекла наши огневые позиции. Шесть Ю-87 пикируют на нас. Рядом с огневыми рвутся бомбы. Но батарейцы не уходят от орудий, продолжают обстрел.

Враг все же не сломил нас. Под вечер наши части перешли в контратаку. Положение было восстановлено.

Ночью пришел Попов на огневые позиции. На НП остался Мартынов.

— Теперь бы хороший котелок украинского борща да котелок гречневой каши, — говорит Борис Васильевич, грызя ржаной сухарь и запивая его горячей водой. — Поработали мы сегодня на славу.

Он рассказал, что у «восточных» наиболее успешно действовали 24-я отдельная стрелковая бригада и 1236-й полк 372-й стрелковой дивизии, поддержанные 7-й отдельной танковой бригадой. Два танка этого соединения прорвали вражескую оборону и пришли в район 8-го полка. Вместе с ними ударили по фашистам пехотинцы. Обратив неприятеля в бегство, захватили исправный танк.

— Сразу же нашлись водитель и артиллерист, знающие немецкую технику. — Попов весело рассмеялся. — Через полчаса этот танк пошел в атаку. Здорово дерутся ребята! [71]

Левее огневых позиций 4-й батареи раздается неумолчный стук топоров. Бойцы взвода боепитания доделывают штабной домик: три метра на три. Михеев тащит туда попоны.

— Пойду спать, — вяло говорит Борис Васильевич. — Устал. Ты, комиссар, проследи за всем. Усиль наряд часовых, завтра Первомай, и фашисты могут преподнести нам сюрприз.

Первое мая — большой праздник трудящихся. Как красиво проходил он до войны! В Москве всегда были парад и демонстрация. А в этом году? Все мы ждем, что скажет Верховный Главнокомандующий об итогах зимнего наступления. Нам еще трудно, но мы уже чувствуем, что в войне наступил перелом. Наши силы возросли, и гитлеровские оккупанты убеждаются в этом все чаще и чаще.

Чудесное утро. Тишина. Но вот заговорил вражеский пулемет. Ему ответил наш. Через минуту ударила пушка: ба-м-м! И по всему лесу разнеслось раскатистое эхо: ам-м-м-м!

Повар Кузьма Егорычев поднялся раньше всех. Слышно, как он громыкает крышкой котла. Затем повар заглядывает в наш домик:

— Разрешите обратиться?

— Что случилось?

Кузьма спрашивает шепотом:

— Как быть с завтраком? Вчера вечером старшина Риталь приехал без продуктов.

— Одну минутку.

Иду в 4-ю батарею, бужу Лохова и Копылова. Оба недоуменно смотрят на меня. Но Копылов сразу же, словно джин из сказки:

— Убили лося, товарищ комиссар. Вчера вечером. Еле дотащили. Сейчас дам распоряжение.

Перед завтраком провели митинг бойцов управления дивизиона. Попов немногословно сказал о том, что трудящиеся нашей страны встречают Первомайский праздник новыми достижениями во имя победы над врагом.

— В самые напряженные дни, когда фашисты были недалеко от столицы, в Москве состоялся парад наших войск. И тогда весь советский народ был уверен в победе. А сейчас, когда мы проводим этот митинг, на Красной площади идет еще более могучий парад. Здесь у нас [72] очень трудные дни. От каждого требуется все его умение, все силы. Мы должны выдержать, выстоять, вырвать у врага победу. И мы сделаем это. С праздником, друзья! Во время завтрака Борис Васильевич поднимает кружку, в которой всего пятьдесят граммов водки, и еще раз поздравляет:

— С праздником!

Чокаемся. Пьем. Смех. Шутки. Лица у всех радостные, как будто и не было голодовки, не было трудностей.

Ваня Ткачук восторженно говорит:

— После войны будет много праздников. Новых. И какие праздники, загляденье! Люблю смотреть парады. Вот бы дожить, хоть краем глаза посмотреть.

Сразу несколько голосом:

— Доживем. И попразднуем.

— В гости друг к другу ездить будем, — мечтательно произнес Гончаров.

— Если после войны все по гостям начнут разъезжать, работать кто будет? После войны работы ох как много предстоит, — замечает повар.

— Я по гостям ездить не буду, — задумчиво говорит Михеев. — А вот по местам, где мы воевали, поеду. Возьму своих пацанов и все покажу. Вот, мол, смотрите и помните, за ваше счастье дрались. Поклонитесь тому, кто погиб за ваше счастье...

Гитлеровцы решили испортить нам праздник. Несколько батарей обрушились на наш участок обороны. Гулкие, лопающиеся звуки слышны по всему лесу. В воздух летят верхушки деревьев, комья земли. Забираемся в ровики, считаем разрывы.

Потом одна за другой прилетают три группы Ю-87, сбрасывают бомбы. Возле наших огневых упало 28 бомб.

Алеша Мартынов передает с наблюдательного пункта:

— Приготовиться!

Фашисты идут в атаку. Мартынов снова передает:

— НЗО-«А», гранатой, взрыватель осколочный, два снаряда, беглый... Огонь!

Наши батареи ведут огонь. Мне кажется, что стреляет не дивизион, а полк, даже несколько полков. Каждый выстрел умножается, гулко перекатывается из одного края леса в другой.

Около тридцати гитлеровцев просочились в стыке между [73] 8-м и 11-м стрелковыми полками и вышли к наблюдательному пункту 6-й батареи.

— Нас здесь только пятеро, но мы будем драться, — передал по телефону Кривенко.

Собираю ездовых 4-й и 6-й батарей, бегу с ними по направлению к НП. Тороплю бойцов, развертываю их в цепь и команду:

— Перебежками, по одному...

Через пять минут нас встречает Кривенко. На загорелом лице счастливая улыбка.

— Фашистская группа уничтожена — все тридцать «завоевателей».

Оказывается, пока я с бойцами бежал к НП, Мартынов и Коваль, не сговариваясь, выслали на помощь Кривенко своих разведчиков и связистов, дежуривших на наблюдательных пунктах. Разведчики управления — Залесский, Дубина, Ткачук и Матвиевский — слева, а разведчики 4-й батареи — справа обошли гитлеровцев, взяли их в клещи и уничтожили.

К вечеру я вернулся на огневые позиции. Возле штабного домика встретил Михеева. Из-под больших кустистых бровей на меня глянули веселые серые глаза. Худое лицо расплылось в улыбке.

— Звонили из штаба полка, поздравляли, — доложил он. — Выступила по радио ваша супруга с первомайским приветом. От себя и от всех ваших ребятишек. Ей-богу, когда я слушал, слезы на глазах навернулись. От радости, товарищ комиссар. Как будто и меня поздравили о праздником...

Немцам не удалось испортить нам праздник. Из штаба стрелкового полка сообщили: часть Парфенова закрепилась во вражеских траншеях. Захвачено пять минометов, шесть станковых пулеметов, несколько кухонь...

Под вечер 3 мая в дивизион пришел стройный, подтянутый майор Писанко. Иван Иванович на днях получил новое назначение — стал заместителем командира полка по строевой части.

— Газета есть, комиссар? — спросил он.

— Нет.

— Тогда получай. Прямо с печатного станка в редакции «Боевого товарища» взял.

Весть о том, что привезена газета с первомайским приказом Верховного Главнокомандующего, мигом облетела [74] дивизион. Вокруг меня собралась большая группа бойцов и командиров.

Михеев разжигает костер. Без огня читать нельзя, и все мы терпеливо ждем, когда запыхают

смолистые ветки. Костер разгорается. Яркое пламя узкими язычками прыгает в ночном небе, освещая похудевшие лица бойцов.

Читаю приказ. Все слушают в глубоком молчании.

— Как видите, — говорю я, закончив чтение, — задача ясна. У нас сейчас есть все необходимое для победы над врагом. И чтобы победить, мы должны еще больше учиться военному делу, знать свое оружие в совершенстве...

В первой половине мая больших боев не было. Даже немецкие бомбардировщики редко стали появляться над нашими боевыми порядками. Прилетят до обеда две-три небольшие группы, лениво, без пикирования сбросят бомбы... И чаще всего на пустое место.

Пользуясь относительным затишьем, мы организовали боевую учебу. Борис Васильевич с большим удовольствием проводит занятия с политработниками, учит нас подготовке исходных данных. Глазомерную подготовку данных мы уже освоили.

10 мая политотдел соединения созвал всех политработников. Приехал лектор политуправления фронта. Выслушав его, я возвратился в дивизион и добросовестно пересказал все, что запомнил.

От души хохочем над заявлением Браухича. Хитрая старая крыса, он раньше всех почуял, что гитлеровская посуда дала трещину и скоро пойдет ко дну, вот и старается удрать заблаговременно.

Союзники все больше и больше восхищаются нашим сопротивлением. Они называют чудом то, что мы выстояли под ударами гитлеровской армии.

Запарованный зло сплевывает:

— Поставить бы того писаку к нам в батарею. Я показал бы ему, откуда это чудо берется. Вон на Керченском полуострове фашисты газы применили, а союзники все о чудесах пишут. Пора бы и им воевать.

Разошлись поздно вечером. А ночью Попова вызвали в штаб дивизии. Вернулся Борис Васильевич рано утром.

— Новость, комиссар! — крикнул он, еще не войдя в домик. — Едем на переформировку. Сегодня готовимся сдавать участок соседям. Собирай всех.

426 просмотров всего 1 просмотров сегодня

